

1

В дверь позвонили. В который уже раз за это утро. Зоя подошла, заглянула в глазок — снова никого. Вернулась в комнату. На диване сидела женщина. Мертвая.

— Снова вы? Что вам нужно? Оставьте уже меня в покое!

Но женщина продолжала смотреть на нее своими маленькими серыми глазками. Она была похожа на крысу.

— Вы сами во всем виноваты! И хватит меня уже преследовать!

Зоя заглянула на кухню. Там на столе стоял заварочный чайник, она подошла, обняла его ладонями — горячий. Чай только что заварили. И гренки на тарелке были еще теплыми и вкусно пахли.

Послышался шорох. Зоя резко обернулась. Ну, конечно! Снова эта фигура в дверном проеме. Смотрит так, что душа переворачивается. В этом взгляде все: и щемящая грусть, и упрек, и тоска. А кто виноват? Как будто только она одна. А они все ну просто ангелы! Глаза у мертвых темные,

страшные. Хочется забраться под кровать и не видеть их...

Звонок! Снова звонок! Сколько уже можно измываться над человеком?

Зоя медленно подошла к двери, посмотрела в глазок — никого. Где же вы, люди? Куда спрятались?

— Зоя, пойдём чай пить!

Возникла она, настоящий ангел. Румяная, живая, теплая. Она позаботится о Зое. Она добрая и ласковая. Вот только имя ее Зоя начала забывать...

— И мне чаю. — За стол садится молодая женщина с темными глазами. На ней серое пальто, в руках мнет черный берет.

— Ага, ты бы хоть пальто сняла, прежде чем садиться за стол... — Зоя гневно смотрит на покойницу.

— Ты что-то сказала, Зоенька? — Ангелоподобная девушка ставит перед ней чашку с дымящимся чаем.

— Нет-нет, ничего... — отвечает она, оглушенная биением своего сердца, и придвигает к себе сахарницу.

2

В поликлиниках всегда так пахнет — хлоркой ли, вытертым линолеумом, человеческой нездоровой кожей, лекарствами, болезнями, безысходностью, страхом. Да-да, у страха есть свой запах. Дурной запах. Вот и сейчас Зоя, забившись в угол диванчика в самом дальнем углу поликлиники,

вернее, амбулатории, которую все в районе называют, конечно, поликлиникой, остро почувствовала этот горьковато-солончатый запах страха ли, кошмара. И это чувство буквально парализовало ее. Она физически не могла пошевелиться. Поликлиника (да, она все-таки тоже будет называть ее поликлиникой; господи, и что только в голову лезет в такие минуты?!) опустела. И было так тихо, что, казалось, все пространство этого маленького коридорчика пульсирует синхронно с током ее собственной крови в висках.

Скоро появится уборщица, к примеру, с ведром и тряпкой и выпучит на нее удивленные глаза, мол, чего сидишь, врачи-то все ушли?! И что она ей ответит? И сможет ли просто пошевелиться, не говоря уже о том, чтобы подняться и сделать несколько шагов?

Шаги... Да, она четко слышала шаги. Быстрые, стремительные. Где-то там, в начале этого извивающегося узкого коридора, заставленного диванчиками, обтянутыми искусственной кожей с едва заметными вмятинами от долгого сидения пациентов, сначала шарахнули входной массивной дверью, затем послышались шаги, пауза — должно быть, человек задержался возле стойки регистратуры, но там, вероятно, уже никого нет, потому что не слышано голосов, — и вновь ускоренное движение по коридору... Кто это идет? Полицейский?

Из-за угла вырулил высокий худой мужчина в черном пальто и шляпе. В шляпе! Зоя сто лет

не видела мужиков в шляпах. Хотя шляпа — это сейчас, в сегодняшней скоростной реалии, такой анахронизм! Как котелок или цилиндр. И все-таки шляпа — это класс! Стиль! И мужчина этот выглядел бы шикарно, если бы не его бешеный взгляд, растерянность, бледность и даже злость.

Зато не полицейский!

— Вы здесь не видели девушку?... Такую... высокую, худенькую, в сером пальто и черном берете? Это моя жена...

Она закрыла глаза. Ну вот, собственно говоря, и все. Началось. Прямо сейчас сдаваться ему и бляеть о том, как все произошло? Или отодвинуть час расплаты на неизвестное время? Она пока еще могла выбирать между комфортом собственной квартиры и грязной камерой СИЗО (про камеру она, как и многие вокруг, знала лишь по сериалам), а потому выбрала чистую ванну, удобную постель и чашку кофе или чая.

— Нет, не видела, — соврала Зоя, даже не пряча взгляда.

Соврала, поскольку несколько часов назад она, расправившись с этой «девушкой в сером пальто и черном берете», прикрыла ее труп промокшими от снега картонками.

— Ничего не понимаю... Хотя думаю, что уже понимаю... А вы чего здесь сидите? Никого же нет?

— Не знаю... — обронила она.

— Может, вам плохо?

— Ну да... плохо... — вот здесь она точно не врала, говорила истинную правду.

— Давайте я помогу вам, — и мужчина подал ей руку. — Поднимайтесь. Может, вас в больницу отвезти? Что с вами?

Конечно, если бы она, скажем, сидела возле кабинета гинеколога, то он мог бы предположить, что она беременна, ей плохо, ее тошнит. Но напротив нее на двери висела табличка «Онколог. Кузнецова В. П.». Быть может, мужчина в шляпе подумал, что ей стало плохо после того, как она узнала страшный диагноз?

— Да не знаю... Просто что-то поплохело. Думаю, я на какое-то время потеряла сознание, — она и здесь говорила чистую правду.

Даже если бы она сказала, что у нее на время отказал мозг и она вообще не понимает, в каком измерении находится, Зоя и здесь бы не лукавила. Она действительно не понимала, приснилось ли ей то, что случилось среди бела дня в двух шагах от крыльца поликлиники, или нет. Действительно ли она убила девушку, которая на самом деле была в сером пальто и черном берете, но это уже после того, как она, эта девка, сделав все свои черные дела, поменяла деревянный номерок в гардеробе на верхнюю одежду, хотя в момент своего преступления, за которое и поплатилась жизнью, на ней была кремовая юбка самой Зои, да к тому же ее собственные коричневые замшевые сапоги!

А что, если за пределами поликлиники вообще ничего не было, Зое весь этот кошмар приснился,

и девушка в сером пальто уже давно дома? Но как узнать, не выйдя на улицу? Хотя, ну, выйдет она сейчас, и что? По-хорошему, надо бы поскорее ноги уносить, не проверять же то место, что расположено в аккурат, как говорится, слева от высокого крыльца и обозначено длинной, тянущейся параллельно стене дома, заснеженной крышей, под которой прячется крутая лестница, в конце которой, в самом низу перед дверью, и лежит труп? Или все-таки проверить, приподнять картонки? Не зря же убийцы возвращаются на место преступления — хотят проверить, а было ли оно...

Мужчина в шляпе предложил ей руку, она ухватила за нее, поднялась так, как если бы весила не пятьдесят с чем-то килограммов, а все двести, и, опираясь на его руку, сделала несколько шагов. Знала ли она, что эти несколько шагов приведут ее в ад? Подозревала. Но, как и всякий человек, надеялась на чудо. Что не вычислят, не поймают.

Так, опираясь на руку вдовца, который еще не знал об этом, она вышла наконец из поликлиники на свежий воздух. Если бы она была счастливым человеком, то, глотнув свежего воздуха и оглянувшись на укутанные в снежные шубы молодые ели, высаженные напротив поликлиники вдоль шоссе, порадовалась бы этой красоте и сладости морозного воздуха. Но поскольку она была человеком несчастливым, то ничего, кроме холода и пронизывающего ветра (которого, кстати, может, и не было, она его выдумала просто из-за нервного озноба), не почувствовала.

— Куда вас подвезти?

— Да никуда, я здесь рядом живу.

— Я тоже. Вон, видите, дом?

Но ей это было неинтересно. Теперь она все свои мысли и чувства должна была направить лишь на одно — на то, чтобы спастись. Не впустить в свою жизнь тюремный запах. Как-то выкрутиться. Сделать вид, что ничего не произошло, не было! Их никто не видел, во всяком случае, она на это надеялась. Хотя было десять утра, казалось бы, поликлиника — бойкое в этот час место, но, к счастью, именно в разгар битвы ли, убийства (это как посмотреть) никого рядом не было. Единственное, чего надо было опасаться, это случайных взглядов из окон многоэтажного дома, на первом этаже которого располагалась поликлиника. Кто-нибудь в этот момент, подойдя к окну с чашкой чая или лейкой, чтобы полить свою герань на подоконнике, мог увидеть потасовку за окном и падение девушки в подвал. Пусть это лишь вход в подвал, но если судить по высоте, то девушка эта, гадина и мерзавка, упала сверху на уровень подвального пола. В подвал, короче. Так и назовем.

Зоя рассуждала об этом так, как если бы готовилась к разговору со следователем или судьей...

В какой-то момент ей показалось, что она вела себя с этим господином в шляпе неестественно. Она не выразила хотя бы внешне удивления или даже сочувствия тому обстоятельству, что он потерял (или пока еще разыскивал) свою жену. Она

не задала ни одного вопроса, хотя, не будь она убийцей, то уж точно вела бы себя по-другому. Более живо, участливо, смотрела бы на мужчину с теплотой, быть может, подробнее расспросила его о том, как выглядела его жена, к какому доктору предположительно была записана.

— Постойте... Вы говорите, что искали вашу жену? Вы точно знаете, что она пошла в поликлинику?

Разговаривая с ним, она с усмешкой подумала, что когда-нибудь они встретятся, конечно, в зале суда, но только она будет на скамье подсудимых, а он в зале как жертва. Вернее, как это у них там говорится, как потерпевший. Ну или «со стороны потерпевшей».

Увидев ее тогда, вспомнит ли он сегодняшнюю встречу? Бестолковый разговор ни о чем? Какими глазами на нее посмотрит?

— Да, она сказала, что ей нужно в поликлинику, к десяти. Вот утром вышла из дома и не вернулась.

И не вернется. И ты, парень, через некоторое время уже будешь стоять возле ее могилы, заваленной цветами, все в этой же шляпе. И это в январе! Мог бы просто куртку носить, а вместо шляпы — обычную вязаную шапочку черного цвета, к примеру, или дорогую меховую, из чернобурки, хотя бы ушанку. Словом, быть как все.

И что она так прицепилась к шляпе?

— Да вернется... — бросила она через плечо так, как если бы и мысли не допускала, что он

больше никогда не увидит своей жены. Да, она хотя бы старалась вести себя так, как если бы ничего не произошло.

Мужчина, пожелав ей здоровья, сел в свою большую черную машину, а Зоя побрела по дорожке между высотными домами в сторону своей одиннадцатизэтажки, расположенной в пяти минутах хода от поликлиники.

Шла и вспоминала свое утро. Были ли предчувствия? Нет, не было. Чтобы было нехорошее предчувствие, надо, чтобы перед этим было хоть что-нибудь хорошее, тогда есть с чем сравнивать. Быть может, ей снилось что-то такое, что могло бы послужить предупреждением, мол, сиди дома и не высовывайся, чтобы никуда не влипнуть. Но вряд ли она обратила бы внимание даже на такое явное предупреждение во сне, потому что и безо всяких предупреждений вся ее жизнь была в последнее время настоящей помойной ямой, где она капитально увязла. Так крепко, что никак не могла выбраться. Вернее, могла. Или нет? Не могла? Боялась, что останется одна? Но разве она и без того не была одна?

Мужа звали Виктор, он не работал, целыми днями где-то пропадал, словом, жил своей жизнью, пользовался ее квартирой, деньгами и при этом не чувствовал абсолютно никаких угрызений совести. Миллион раз она пыталась завести разговор о том, что пора бы уже куда-то устроиться, на что всегда получала столько нытья и каких-то

неубедительных и блеклых объяснений, что почти сразу же жалела о том, что вообще затеяла разговор на эту тему. Виктор был биологом. С его образованием и опытом работы он был никому не нужен, это во-первых. Во-вторых, туда, куда его взяли бы (в школу, к примеру), он сам не хотел — там мало платят, а работы много. Или просто — там нужно работать. Виктор часто отлучался из дома надолго, говорил, что ищет работу, ходит на собеседования, но это длилось уже два года (ровно столько времени прошло с тех пор, как закрыли институт «Микробиолог», в котором он работал и где его все более или менее устраивало), а результатов — ноль.

— Хочу в частный медицинский центр, места жду, — время от времени звучала рефреном его сказочная фраза. Но Зоя ему не верила, как не верила в саму возможность такого трудоустройства.

Однако неработающий муж — это еще не проблема. Вот муж, который изменяет с другой женщиной и считает тебя, верную жену, идиоткой, — это уже настоящая проблема. Муж, который во время твоих командировок (а Зоя работала в очень серьезной структуре, главным направлением которой являлась разработка и строительство жилых проектов комфорт- и бизнес-класса) приводит в пустую квартиру своих девок, спит с ними в твоей постели, разрешает им пользоваться твоими полотенцами, пеньюарами, духами, кремами, тапочками, дарит им в пьяном угаре все, что этим шлюхам нравится и хочется (банки варенья, кофе,

шампуня, кремы, вещи жены), — это настоящее бедствие. Поэтому Зоя никогда не возвращалась домой раньше оговоренного срока — не дай бог застать мужа с любовницей, не дай бог задушить голую, пахнущую ее же, Зоиными, духами, деваху прямо там, прижав ее мордой к подушке... Не хватало только сесть в тюрьму из-за такой вот бессознательной твари.

Надо было рвать с Виктором. Разводиться. Квартира принадлежала только ей, поскольку куплена была до брака, поэтому никакого раздела имущества не предвиделось. Но Зоя знала, чувствовала, что стоит ей только начать этот процесс, как на ее голову свалится сразу столько проблем и неприятностей, что только от представленного уже становилось дурно. Конечно же, сначала муж будет давить на жалость, стонать, что ему негде жить, да и не на что. И все эти стоны будут пересыпаны, разумеется, его запоздалыми и лживыми любовными признаниями в ее адрес. Потом начнутся угрозы, что раз так, то он, мол, станет жить на лестничной клетке, спать на картонке, пусть все соседи увидят. Он будет голодать и выть, как собака. Дальше хуже — он обратится в полицию, скажет, что его выставили за дверь из его же собственной квартиры, хотя деньги на эту квартиру он получил в наследство от своей матери (или придумает еще что-нибудь более или менее правдоподобное). Потом обратится к бесплатному адвокату и скажет, что его жена Зоя Бельская изменяет ему, требует развода, угрожает ему тем,

что «закажет» его, если он не съедет из квартиры и не выпишется... Словом, в случае, если Зоя решит от него избавиться, развестись с ним и сделать так, чтобы он просто исчез из ее жизни, вряд ли у нее это получится. Виктор относится к тому типу совершенно беспринципных и нахальных мужчин, которые намертво лепятся к своим успешным и богатым женам, так что от них даже откупиться проблематично — эти ненасытные упыри-мужья будут до последнего пить кровь из своей второй половины, пока та не поймет, что лучше уж вообще не затевать развод и просто продолжать жить под одной крышей с ним и терпеть его так, как если бы он был неблагополучным ребенком. Детей-то своих не бросают.

Знала Зоя и то, каким образом он напакостит ей на работе. Во время самых жарких ссор он нередко угрожал позвонить ее директору и сказать, что Зоя мечтает занять его место, копает под него, сливает информацию конкурентам. Дежурный набор киношного подлеца.

Но все же самой большой опасностью, по мнению Зои, был любой бомж, пьяница или наркоман, который за небольшие деньги по просьбе Виктора мог просто убить Зою — удушить, заколоть ножом, прибить бейсбольной битой, к примеру. И вот тогда у Виктора вообще началась бы чудесная и спокойная жизнь — до гробовой доски прожигал бы все женино наследство.

Вот почему Зоя уже давно, несколько лет тому назад, написала завещание, где все движимое

и недвижимое имущество завещала своей единственной родственнице, сестре матери — тете Алле, скромной женщине, портнихе, проживающей в Самаре и в одиночку воспитывающей троих детей. Понятное дело, что Виктор об этом ничего не знал. В сердцах, скандаля, она грозилась, что оставит все, чем владеет, детскому дому. Чтобы до поры до времени обезопасить тетю.

Каждый день у Зои начинался одинаково. Она вставала очень рано, готовила завтрак, собиралась и уезжала на работу. Виктор еще спал. Она знала, что он проснется около одиннадцати, позавтракает, сунет грязные тарелки в посудомоечную машину, примет душ, оденется и пойдет по своим делам. Возможно, будет просто прогуливаться по городу, побродит по торговому центру или парку, пообедает где-нибудь в кафе или ресторане, вечером встретится с любовницей, возможно, покормит ее, проведет время либо у нее, либо в недорогой гостинице, вернется домой, скажет, что страшно устал, работу не нашел, у него начинается депрессия, болит голова, однако с аппетитом поужинает, приберется на кухне и разляжется на диване в гостиной перед телевизором с пивом и орешками. Спросит Зою для приличия, как прошел ее день, а потом, даже не услышав ответа, забудет про нее.

Сколько раз она спрашивала себя, где были ее глаза и мозги, когда она выходила за него замуж, но ответа так и не находила. Он был красив, она считала его ученым-биологом, ей нравились его

манеры, то, как он одевался, как эмоционально пересказывал кинофильмы или делился впечатлениями о прочитанных книгах. Он был ласковым, страстным, мягким, приятным в быту, чисто-плотным, никогда ее не напрягал и казался влюбленным. И еще он нравился женщинам. А то, что он пустышка, бездельник, лентяй и врет как дышит — этого она почему-то не замечала. Или просто не хотела замечать? Ведь влюбленные девушки все как одна слепы.

Сейчас, возвращаясь домой после всего случившегося, после того кошмара, в котором она тонула, Зоя впервые хотела одного — чтобы мужа на этот раз не было дома. Чтобы он не увидел выражения ее лица, чтобы у нее была возможность разрыдаться, дать волю слезам, она же чувствовала, что близка к истерике. Вот только объяснять Виктору, что с ней творится, она была явно не готова. Как не готова была и держать в себе все то, что грозило выплеснуться горькой отрыжкой.

Поднимаясь в лифте, она еще не понимала, как ей жить дальше. Ей нужно было время, чтобы все хорошенько обдумать, подготовиться на тот случай, если свидетели ее преступления все же объявятся. Но для этого требовались уединение и тишина.

Окна квартиры светились, она видела это еще издали, поэтому надеяться на то, что мужа не будет, было глупо. Разве что он выбежал из дома за сигаретами или хлебом.

Она вошла, отперев двери своими ключами, и сразу почувствовала, как задыхается. Словно несла в себе большущий шар со слезами где-то внутри, и вот теперь, оказавшись дома, в тепле, он рвался наружу.

Под сапогами мужа на полу натекла грязноватая лужа. Виктор дома. Хотя не слышно звуков телевизора.

Она разделась, переобулась в домашние тапочки и прошла в гостиную. Виктор сидел на диване с отрешенным видом.

— Привет, — сказала она, усаживаясь в кресло напротив мужа.

Вероятно, он ждал от нее вопроса, мол, что с тобой, Витя, случилось, почему в квартире так тихо, телевизор не включаешь? Но она, увидев его, вдруг поняла, что, размышляя о горе, которое постигло мужчину в шляпе, она совершенно забыла о другом мужчине из жизни той девицы в черном берете, о ее любовнике. И вот сейчас ее любовник сидел в кресле и изображал из себя озадаченного и расстроенного человека. Интересно, каким будет выражение его лица (отыщет ли он в себе вообще приличествующее ситуации выражение), когда узнает, что его барышню убили?

— Слушай, никак не могу найти свою кремовую юбку, ну, помнишь, такую, узкую, я покупала ее в Париже... Не видел?

Виктор медленно повернул голову и посмотрел на Зою так, как если бы она спросила его о количестве камней в египетской пирамиде.

— Слушай, — процедил он, — ты у меня уже спрашивала о какой-то юбке... Ты что, подозреваешь, что я время от времени надеваю твои вещи, юбки или чулки, чтобы прогуляться в них по Москве? Спроси еще, не брал ли я твою красную помаду.

— А ты чего такой злой?

— Я не злой, нормальный.

В это время у него ожил телефон, он схватил его с журнального столика, на котором стояла чашка с остатками кофе (и это вечером!), и выбежал из комнаты в прихожую, успев плотно закрыть за собой дверь.

Зоя услышала, как он разговаривает с кем-то, тотчас встала, подошла к двери и прислушалась.

— Да я не звонил ей еще! Почему? И ты еще спрашиваешь? Не звонил, и все! Пусть сама разбирается со своими проблемами. Говорю же, не звонил!.. Ладно, сейчас позвоню. Но только ты мне скажи, о чем мне с ней говорить? Она же все видела и поняла! Мне что, прикажешь перед ней извиняться? Вот сама и извиняйся! Ну и что? Хорошо, сейчас позвоню...

И тут Зоя поняла, что речь, возможно, идет о звонке той девице! Конечно, до нее никто не может дозвониться, потому что телефон она из сумки достала и отключила. Были бы там документы, и их прихватила бы. Чтобы следствие затянуть. Хотя полиция без труда выяснит личность убитой, достаточно обратиться в поликлинику, рядом

с которой обнаружили труп. Там путем простого опроса врачей и медсестер выяснили бы, к какому врачу она заходила.

Зоя кинулась в комнату, достала из сумки телефон убитой и включила его. И тотчас он взорвался у нее в руках звуками аргентинского танго, да так громко, что Зоя обомлела и тотчас выключила телефон! Через мгновение Виктор влетел в комнату, где Зоя, вернувшись в кресло, с бьющимся сердцем сидела, в последний момент успев натянуть на лицо маску полного равнодушия.

— Что это было? — вскричал он, хватая ее за плечи.

— Ты что, Витя, спятил? Ты чего набросился на меня? — Она брезгливо ударом сбросила его руки со своих плеч. — Ненормальный!

Да, пожалуй, именно так она и повела бы себя в случае, если бы никакого танго не было и в помине и эти знакомые Виктору звуки рингтона оказались плодом его воспаленного воображения.

— Ты разве не слышала сейчас звуки танго?

— Танго? Где ты слышишь танго? Прислушайся... — Она обвела взглядом гостиную, пожала плечами: — По-моему, дома очень тихо. Ты вообще в порядке?

— Да в порядке я, в порядке! Но я же только что слышал, как зазвонил телефон... Вернее, я подумал, что звонит телефон.

— Чей телефон? — Она смотрела ему прямо в глаза.

— Да откуда мне знать... — раздраженно ответил он и снова закрылся в прихожей.

Странное чувство охватило ее, сродни удовольствию от того, как мучается находящийся рядом с тобой ненавистный человек. Возможно, сейчас, получив от нее порцию лжи, Виктор подозревает, что начинает сходить с ума. Ну или, во всяком случае, у него начались слуховые галлюцинации. Почему ей от мысли, как ему сейчас не по себе, как страшно радостно? Как если бы он добровольно решился разделить с ней ее собственный кошмар.

А что, если рассказать ему всю правду? Как он себя поведет? Губы ее медленно растянулись в улыбку. Он сдаст ее. Сразу же. Нисколько не сомневаясь, что делает все правильно.

И она снова включила телефон, в животе которого спряталось аргентинское танго.

3

Суркова Валентина Борисовна, пенсионерка, услышав звонок в дверь, поставила чашку с недопитым чаем на стол, вышла их кухни и поплелась в прихожую. Настроение у нее было с самого утра хуже некуда. Женщина по имени Марина, ребенка которой Валентина нянчила всю осень, задерживала оплату, обещала перевести деньги на днях, и уж точно за два дня до срока погашения очередного ипотечного платежа, но так ничего и не прислала, а срок уже завтра...

— Ты что, Марина, не понимаешь, что портишь мою кредитную историю?! — Почти плакала Валентина Марине в трубку. — Мне и кредиты никто больше не даст, раз я такая неплатежеспособная и безответственная! Может, для тебя эта несчастная десятка — не деньги, а для меня — часть взноса! И как мне теперь быть? Займите у кого-нибудь с мужем, раз у вас сейчас нет, но заплатите мне. Я же вашего ребенка нянчила, душу в него вкладывала. Разве так можно?

Так и хотелось крикнуть в трубку, мол, твари вы неблагодарные!

После этого разговора с Мариной на душе было так гадко, так противно! Что за люди? И ведь не бедные, красную икру покупают килограммами и замораживают ее впрок в огромной морозильной камере (что являлось для Валентины признаком не только богатства, но и расточительности!), а заплатить вовремя няне не могут. Жадные и нахальные!

И тогда Суркова в который уже раз обратилась за помощью к своей соседке Евгении Спиридоновне. Старушка, получающая неплохую пенсию и весьма скромно тратящая ее на самое необходимое, даже не подозревала о том, что, по сути, богата. Конечно, соседка гарантированно выручила бы ее, но каждый раз, звоня в ее дверь и представляя себе свое же бляенье в процессе одалживания денег, Валентина чувствовала себя униженной и глубоко несчастной.

Хотя временами она бывала и счастлива, когда ее работодатели платили ей вовремя, да еще и с небольшими премиями за переработанные часы, и тогда она, заплатив вовремя ежемесячный ипотечный взнос, с какой-то даже гордостью ощущала себя хозяйкой однокомнатной просторной квартиры в новом доме, да еще и рядом с парком!

...Она открыла дверь и увидела Евгению Спиридоновну. Господи, она же деньги ей принесла! Валентина договориться-то с ней договорилась, а деньги старушка обещала принести чуть позже. Видать, прячет соседка наличные в укромном месте, поэтому никогда сразу не дает, только спустя время. Причем сама приносит. И визиты такие для нее явно в радость, женщина она одинокая, ей и поговорить не с кем, и пирогами угостить некого. А так придет Евгения Спиридоновна, денежку даст, да еще шарлоткой какой-нибудь угостит или пирожками с мясом, а заодно поговорит. Разговоры у них с Зоей простые, о погоде, соседях, крикливых детях, что живут со старушкой по соседству да на верхнем этаже. Но и политикой бабуля немного увлекается, никак не может определиться, к какой партии примкнуть, кого покритиковать.

— Ой, Евгения Спиридоновна, проходите, пожалуйста!

Валентина заметила, что на этот раз соседка пришла с пустыми руками. Нет, деньги сразу протянула, прямо с порога, десять купюр по одной

тысяче рублей, но вот пирогов на этот раз не было, да и выглядела она как-то встревоженно, напуганно.

— Валюша, мне тебе сказать что-то надо...

— Хорошо, Евгения Спиридоновна, сейчас расскажете... Проходите, садитесь вот сюда, это уже ваше место за столом... А я сейчас чай согрею.

— Валя, постой. Сядь и послушай меня. Я-то сама ничего предпринять не могу, у меня просто сил нет, а вот ты...

— Да что случилось-то? Обидел кто?

— Говорю же, сядь и послушай.

И соседка рассказала какую-то совершенно нереальную историю о том, как сегодня утром возле крыльца поликлиники, располагающейся в их доме, подрались две женщины. Евгения Спиридоновна живет на втором этаже и говорит, что все отлично видела. Сначала одна девушка, что выглядит постарше и в шубе, набросилась, в смысле словами, на ту, что помоложе, которая была в сером пальто и черном берете. Одна обвиняла в чем-то другую, после чего зарядила ей пощечину, да так сильно, видать, что та, что помоложе, отлетела в сторону, упала, но потом поднялась и набросилась уже на вторую. Ударила ее тоже по лицу, после чего старшая «танком» двинулась на нее, прижала к перилам лестницы, ведущей в подвальное помещение поликлиники, а эти перила, видать, еле держались, может, проржавели, и девушка в берете рухнула вниз. Через некоторое время та, что в шубе, оглядываясь, спустилась

по лестнице туда, где находилась другая, побыла там какое-то время, после чего выбралась наружу, оглянулась, схватила несколько картонных ящиков, приготовленных для вывоза сторожами расположенного поблизости склада, и утащила вниз. После чего снова появилась, поднялась в поликлинику, и больше любопытная соседка ее не видела. Хотя следила за территорией, где, по ее мнению, было совершено преступление, практически до самого вечера, за исключением вынужденных отлучек в туалет.

— Вы хотите сказать, что из этого подвального провала та девушка так и не вышла?

— Думаю, что нет. Но я же, говорю, отходила несколько раз от окна, может, и пропустила, конечно. И в туалет отлучалась, и чайник ставила. Хотела позвонить в полицию, но где у меня доказательства? Я же помню, как ко мне отнеслись в прошлом году, когда я собственными глазами видела, как напротив все той же поликлиники остановилась черная машина, похожая на «Волгу», я в машинах-то не разбираюсь, и оттуда раздался выстрел, мужчина, который до этого разговаривал с водителем машины, упал... В кусты. Я позвонила в полицию, все рассказала, но, когда прибыла полиция, тела того, в кого стреляли, так и не нашли. Полицейские посоветовали мне тогда поменьше смотреть сериалов. Посмеялись, словом, надо мной. А я думаю, что пока они ехали, кто-то подобрал труп и увез. Или же человек тот оставался раненым и сам выбрался на

дорогу, может, остановил машину. Я же не могла постоянно находиться возле окна. Я старый больной человек, мне надо лекарства принимать, к тому же у меня тогда на руке был сильнейший ожог, и я сама себе делала перевязки... Вот такая история. Просто я подумала, Валечка, быть может, вы спуститесь туда, вниз, посмотрите, есть там в подвале кто или нет. А что, если девушка, которая туда упала, еще жива и просто не может выбраться? А я, признаюсь, просто боюсь, мне страшно. Что, если там на самом деле лежит мертвая женщина? Но еще больше боюсь, что это были галлюцинации. История-то выглядит странно, согласитесь.

— Да, действительно, история странная. Но вам перила-то видны? Они на самом деле сломаны?

— Ну да! Я же потом очки надела, хотя я и без них вдаль вижу... Да, одного звена нет, думаю, оно упало вниз после того, как на него навалилась эта девушка...

— Ну вот, значит, никаких галлюцинаций у вас нет. А я спущусь, конечно, посмотрю.

— Вот спасибо! А то я вся прямо извелась!

— Так когда это случилось?

— Сегодня между десятью и одиннадцатью часами. И ведь обычно в это время рядом с поликлиникой полно народу, мамы с малышами приезжают, я даже присматриваю за их колясками, мало ли... Там и место такое специальное вымощено плиткой, для колясок, велосипедов...

Словом, именно в то время, когда происходило убийство, да-да, теперь я чувствую, что это убийство, ну никого, как нарочно, поблизости не было.

Валентина поставила перед соседкой чашку с чаем, но та впервые вдруг отказалась и даже отодвинула ее от себя.

— Настроения нет. Чувствую себя слабой, немогущей старухой, которой никто не верит... А у меня, между прочим, все в порядке с головой.

— Да конечно, в порядке! Хорошо, Евгения Спиридоновна, пойдемте, я вас провожу.

Соседка ушла. Валентина встала у окна. Ей виден был только длинный козырек или крыша подвала да часть лестницы. И одного звена перил действительно не было. Но история, рассказанная Евгенией Спиридоновной, выглядела совершенно абсурдной. К тому же она ничего не сказала про женщину, толкнувшую «молодую, что в берете» на перила. Она сказала только, что та поднялась в поликлинику, и все. Но скорее всего обе женщины после стычки разошлись по своим домам. Просто соседка этого не увидела. К тому же кроме Евгении Спиридоновны в доме могли найтись и другие свидетели несчастного случая или убийства, и они уже давно позвонили бы в полицию.

Так, успокаивая себя и не желая выбираться из теплой квартиры на улицу, да еще и спускаться по лестнице вниз, что явно привлекло бы внимание прохожих, Валентина вернулась на кухню, пере-

считала деньги и только сейчас поняла, что ей все равно придется выходить, чтобы положить наличные в банкомат — положенная сумма должна быть переведена на ее «сберовскую» карту.

Банкомат имелся в продуктовом магазине через дорогу. Валентина усмехнулась. Там, рядом с этим магазином, находился бутик с дорогими винами и коньяками. Имелся и охранник, симпатичный мужчина лет шестидесяти с небольшим. У него всегда были розовые щеки, и выглядел он здоровым и крепким. Но самое главное, что он всегда, когда находился на улице, курил ли или просто стоял, уткнувшись в свой телефон (вероятно, играя в какую-нибудь бестолковую игру от скуки), а увидев Валентину, едва заметно кивал ей. Как старой знакомой. И это ее нисколько не злило, наоборот, в такие минуты она этот слабый знак внимания воспринимала всерьез и чувствовала себя женщиной. Причем несмотря на свои пятьдесят семь.

Валентина была в разводе, причем уже лет десять, и давно потеряла надежду встретить приличного мужчину. Сначала она мечтала найти мужа, с которым встретит старость, представляла себе, как будет заботиться о нем, вовремя давать ему (воображение рисовало их уже глубокими немощными стариками) лекарства и укутывать пледом парализованные ноги мужа, но потом, после нескольких встреч с реальными мужчинами, с которыми ее время от времени знакомили подружки, она эту затею с замужеством оставила. Поняла,

что не готова взваливать на свои плечи заботу о совершенно чужом человеке, к тому же обремененном болезнями. Ей нужен мужчина помоложе, и даже не для интимных встреч, а просто для прогулок, культурных походов, поездок по интересным местам. А потому мужчина должен быть здоровым, крепким (вот как этот розовощекий охранник!) и непременно с машиной. А у этого мужчины машина точно имелась, Валентина один раз видела, как он открывал дверцу припаркованной неподалеку от винного бутика иномарки вишневого цвета, чтобы достать сигареты.

Собираясь в магазин, Валентина наметила план действий. И хотя он до последнего казался ей каким-то нереальным и даже глупым, мысли-то в голову все равно лезли. А что, если соседка говорила правду и под лестницей лежит труп? Конечно, все можно выдумать, нафантазировать, но эта история с коробками, которые предполагаемая убийца спустила вниз... Все это начинало смахивать на правду. И коробки эти она наверняка забрала, чтобы прикрыть ими тело. Соседка говорила, что женщина поднялась в поликлинику, но так оттуда и не вышла. А что, если она сидит там до сих пор ни жива ни мертва, не в силах осознать то, что произошло. Сидит и ждет, когда за ней приедет полиция. Она же понимает, что если та девушка мертва, то рано или поздно ее, убийцу, вычислят. А еще она, находясь в поликлинике, пытается обеспечить себе алиби, мол, она ничего не знает, она с самого утра была в поликлинике,

и ее там видела целая толпа пациентов. Да и вообще, причин, по которым она продолжала находиться в поликлинике, причем, возможно, до сих пор, было много. Хотя бы шок! Ей не верилось, что все это произошло с ней. Она никак не может это переварить. Но рано или поздно она, конечно, выйдет. В то время, когда она будет скрываться в поликлинике, она станет размышлять о том, как спастись, избежать тюрьмы. И первое, что ей придет в голову, — это спрятать труп, вывезти его куда-нибудь подальше. Конечно, ей придется обратиться к кому-то за помощью, ведь понадобится транспортное средство, машина. Хорошо, если у нее самой есть автомобиль, тогда она без проблем погрузит тело в багажник и вывезет его куда-нибудь подальше от этого места. И сделает это, когда стемнеет. Скорее всего, ночью...

Так, представляя себя на месте той «женщины в шубе», Валентина и не заметила, как подошла к винному бутику. И лицо ее засветилось радостью, когда она увидела своего охранника. Тот на этот раз не просто кивнул ей в знак приветствия, а даже помахал рукой.

— Салют... — Она притормозила возле него. — Я вот все спрашиваю себя, где я раньше могла вас видеть. Мы знакомы?

Конечно, она никогда его раньше не видела, а спросила просто, чтобы завязать разговор.

— Конечно, знакомы! Мы же с вами как-то в Москву в одном купе ехали, не помните?

И тут она вспомнила! Точно!

— Ба... Неужели вы тот самый офицер, что помогал мне когда-то снимать кольцо с пальца, когда мою руку раздуло от аллергии на шампанское?!

— Ну, слава богу!

— Надо же... А я все думаю, почему ваше лицо кажется мне знакомым...

Она снова слукавила, потому что такого ощущения прежде у нее не было. Но вот сейчас, когда он сказал ей, откуда ее знает, она вспомнила эту поездку, веселую соседку по купе — молоденькую продавщицу Эммочку, запланировавшую поездку в монастырь, чтобы матушка Матрона помогла ей избавиться от бесплодия. Вспомнила и приятеля этого офицера, имени которого она, конечно, не помнила, у которого были такие же голубые глаза. Кажется, после двух бутылок шампанского она целовалась с ним в тамбуре...

— Меня Володей зовут, — напомнил он ей. — А вас — Валентиной, правильно?

— Да, точно! Какая у вас хорошая память! Ну, ладно. Мне пора.

— Может, как-нибудь встретимся, посидим в кафе? Да хоть вот здесь, за углом, в пиццерии?

— Я подумаю, — засмеялась она и, помахав ему рукой, почти побежала (как если бы она мгновенно помолодела!) в сторону магазина.

Находясь под впечатлением от встречи и надеясь, что этот Володя окажется разведенным или вдовцом, она уже успела нарисовать себе их возможные встречи, поход в театр или кино, в какой-

то момент даже почувствовала, как он берет ее ладонь, и его рука оказывается теплой и гладкой на ощупь.

Валентина пришла в себя уже на обратном пути, когда вопрос с превращением купюр в «неналичность» был решен и она снова поравнялась с витриной винного бутика. И тотчас дверь распахнулась и в облаке теплого ароматного магазинного воздуха появился Володя. Он был так возбужден, со сверкающими глазами и почему-то распахнутыми, словно для объятий руками, что Валентина даже шарахнулась от него.

— Вот, я записал номер своего телефона. Когда будет желание и время — позвоните, хорошо? Я буду ждать!

— Вы женаты? — спросила она, чтобы уж окончательно решить для себя, мечтать о нем или нет.

— Нет. Я разведен. Но дети есть. Взрослые. Я живу один.

Вот теперь и она улыбнулась.

— Хорошо. — Она взяла листочек с написанным на нем номером телефона и сунула в карман куртки. — Я позвоню.

— Рад был встрече!

— Я тоже.

Возвращаясь домой и проходя мимо крыльца поликлиники, Валентина едва сдержалась, чтобы не свернуть к подвалу. Нет-нет, здесь нужна поддержка. Пусть эта особа, убийца, сама предпримет что-то, например, вернется ночью, чтобы вывезти

труп. И вот тут-то Валентина попытается извлечь из этого свою вполне себе реальную выгоду. Тем более что женщина эта, если судить по рассказу соседки, обычная, то есть не профессиональный убийца, и убийство произошло явно по неосторожности, короче — несчастный случай. А потому она до сих пор находится в шоке, не зная, как выкрутиться из этого опасного положения, чтобы не угодить в тюрьму. А что нужно для этого сделать? Правильно — избавиться от трупа!

Валентина вернулась домой. Надо бы и ей самой все хорошенько обдумать. Впереди — бессонная ночь. Именно ночь, потому что вряд ли убийца появится здесь в вечернее время, даже, если и стемнеет. Ей нужно, чтобы на улице не было ни единого человека. Получается, она появится здесь с машиной после полуночи. И Валентине, чтобы не уснуть и дождаться этого момента, нужно выспаться прямо сейчас.

Она и сама еще не понимала, всерьез ли относится к тому, что задумала. Потому что ее план был навеян многочисленными детективными сериалами и книгами, где все происходило легко и просто. Понятное дело, что там, в кино, все было притянуто за уши. Все как-то удачно совпало, и предположения героев были единственно правильными. В жизни-то все не так. Во-первых, эта особа может и не вернуться, просто исчезнуть или вообще — уехать из города. Да что там! Поменять место жительства от страха! Не каждая

женщина наделена такой храбростью, чтобы в ответственный момент своей жизни решиться вытащить труп из подвала, погрузить его в багажник машины (даже если она привлечет к этому преданного ей близкого человека), а потом и вывезти куда-нибудь за город. Да многие вообще не могут находиться рядом с трупом, не говоря уже о том, чтобы тащить его за ноги по ступеням...

Бррр... Валентину от представленного передернуло.

Нет-нет, она не будет сейчас думать обо всем этом. И вообще, она не должна, в сущности, осуждать эту женщину. Представляя себя на ее месте, она понимала, что и сама бы поступила не лучшим образом и уж точно не пошла бы в полицию, зная, что ее точно посадят. Но, с другой стороны, вряд ли эту «убийцу» (убийцу в кавычках, конечно, потому что она стала ею случайно) можно считать совсем уж невиновной. Она, видать, та еще штучка. И какой бы конфликт ни произошел между женщинами, какая бы ссора ни вышла, не всякая способна на рукоприкладство. Ну, пособачились, высказали друг другу все, что думают, да и разбежались каждая в свою сторону. А то одна влепила другой пощечину. Та ответила... Пощечина — это унижительно, больно, рука ответчицы наверняка сама среагировала, чтобы дать сдачи...

Рассуждая таким образом, Валентина налила себе чаю, достала из холодильника кусок ветчины, сделала бутерброд, подкрепилась, после чего отправилась в комнату, включила телевизор, ка-

нал «Культура», где гарантированно не было будоражащих сериалов, а лишь спокойные голоса дикторов или музыка, улеглась на диване, прикрылась пледом и закрыла глаза.

4

Она знала эту привычку мужа после ссор или, наоборот, во избежание скандала скрываться в ванной комнате. Поначалу она думала, что он просто сидит там, пережидая опасный момент. Но потом (конечно, все это было в самом начале их совместной жизни) поверила, что он действительно моется. Причем долго, тщательно, используя все имеющиеся гели и шампуни (после него ванная комната благоухала всеми наличествующими ароматами), возможно, в каком-то нервном остервенении, желая смыть с себя все то негативное, на его взгляд, что портит настроение, отравляет его жизнь.

Вот и на этот раз он сбежал под душ, испугавшись собственных галлюцинаций. Еще бы, думая о своей любовнице и, возможно, интуитивно чувствуя что-то нехорошее, он вдруг услышал звук ее рингтона.

Но что он мог прочувствовать? С чего бы? Девушки не было в живых всего несколько часов. Почему он так волновался? Потому что она не брала трубку? Да мало ли причин, по которым человек не отвечает! Или случилось что-то такое, к примеру, ссора, и он теперь просто не находит себе места?

И тут Зоя буквально подскочила на месте. Телефон. Его телефон. Вот он, лежит себе на столе, забытый хозяином. Вот это добыча! Обычно Виктор никогда не расстается с телефоном, даже когда идет в душ. Нет, не так: *особенно* если он идет в душ. Это и понятно. Включив воду, он под шум воды может спокойно разговаривать по телефону со своей любовницей, не опасаясь, что жена его услышит. Так делают все изменщики-мужья. Или просто изменщики или изменщицы.

А что, если эта девушка в черном берете не имеет к Виктору никакого отношения и Зое только показалось, что та появилась у дверей гинекологического кабинета в ее кремовой юбке и ее коричневых сапогах?

Зоя схватила телефон мужа и выбежала из квартиры, чтобы, поднявшись на пару этажей, спокойно проверить его. Телефон покойницы лежал у нее в кармане джинсов. Итак, теперь у нее два телефона, и вот сейчас она узнает всю правду.

Зоя так разволновалась, что почувствовала, как стучат ее зубы. Это было так неприятно, она ощутила себя такой слабой и жалкой.

Открыв список звонков на телефоне мужа, она без труда определила номер, по которому он звонил тысячу раз! Некий Иванов. Конечно, фантазии-то нет. Ну да ладно. Иванов так Иванов. Она набрала номер, и зазвучавшее на весь подъезд дерзкое, оглушительное аргентинское танго было похоже на звонкую пощечину!

Ей показалось или ее губы растянулись в зло-радную улыбку? Вот она, гадина, пытавшаяся украсть у нее мужа. Получается, пока Зои не было дома, причем это могло произойти где-то осенью, потому что юбка пропала примерно в октябре, Виктор привел любовницу домой, поил-кормил ее, улажал, как мог, а потом, расчувствовавшись, подарил ей новую юбку жены плюс шикарные дорогие замшевые сапоги! Вот чем он думал, каким местом? Получается, что он либо был не в себе, может, пьян, или же она, эта сучка, сама выбрала себе из вещей что получше и спрятала незаметно от Виктора в сумку. Какая мерзость!

Зоя вернулась в квартиру, почти плача. Слезы сами текли по щекам, капали на грудь. Что это за слезы? Откуда они? Совесть отказывалась уравнивать присвоенные юбку и сапоги со смертью. Понятное дело, что за такую фигню не убивают. Но разве она хотела ее убить?

Тут Зоя перекрестилась, задрав голову, желая, чтобы Всевышний ее увидел и услышал, хотя от стыда она едва подняла голову.

Он знает, что Зоя не хотела ее смерти. Просто надо было поставить девушку на место. Она же и выбежала из поликлиники, чтобы догнать ее, ответить на оскорбление. Да и шуба еще эта... Если бы Зоя не побоялась и отдала ее, как только пришла в поликлинику, в гардероб, а не оставила при себе на диванчике, то, может, ничего этого и не случилось бы. Вряд ли она побежала бы за этой девицей в тонком свитере.

И вообще, все случилось так неожиданно и к тому же принесло ей столько боли и унижения, что теперь она уже и не знает, выбежала бы она за гадиной в свитере или нет. Может, и рванула бы за ней. И ведь сучка эта сама ее спровоцировала. После всего, что она ей наговорила, стояла перед ней и медленно так, словно издеваясь, надевала свое серое пальто, натягивала на голову шерстяной берет.

А весь конфликт-то из-за чего?

Зоя пришла в поликлинику, чтобы ей вынули спираль. И, как нарочно, весь закуток перед кабинетом гинеколога бы просто забит беременными, которых нужно было пропускать без очереди. Зоя пропустила сначала двух шарообразных женщин, потом заявила еще одна, бледная такая на вид, худенькая девушка с огромным животом. Казалось, он перевешивает ее, бедняжку. И как-то долго длились эти визиты. Когда ждешь, время всегда замедляет свой ход.

Сидеть в душном коридоре было тоскливо и неприятно. Зоя знала, что ей будет небольно, хотя и неприятно, но сам факт взгромождения на это чудовищное и ледяное металлическое гинекологическое кресло нервировал.

Она уже сто раз пыталась представить себе всю процедуру, даже внизу живота заломило, и тут вдруг, буквально перед тем, как ей самой уже войти, поскольку все беременные в очереди закончились, появилась эта девица. Высокая, красивая, зараза, в шикарном сером пальто, в элегантном

маленьком черном берете. Лицо бледное, а вот щеки розовые, нежные. Глаза огромные, темные. Скинула с себя пальто, стянула берет и подошла прямо к двери, готовясь прямо сейчас зайти в кабинет.

Зоя сказала, кажется, что сейчас ее очередь, что она пропустила уже несколько беременных, девица же бросила ей зло через плечо, что и она тоже беременная. Хотя видимых признаков беременности не было. У нее вообще живот был плоским. И пока на языке формировалась идиотская фраза, которая, по сути, и стала ключевой, провокационной, Зоя успела обратить внимание на кремовую юбку-карандаш, обтягивающую бедра девушки, и на ее высокие, шоколадного цвета сапоги на тонком каблучке. Она еще только осознавала, что видит свои вещи, как рот ее дерзко выкрикнул:

— Я тоже, может, беременная.

Вот зачем она это сказала? Кто ее тянул за язык? Да если бы не эта фраза, девица была бы жива и Зоя, быть может, нашла в себе силы начать новую жизнь, развестись с Виктором, глядишь, встретила бы другого мужчину, забеременела от него... От Виктора ребенка не хотелось, родится таким же бездельником и вруном.

И тут эта нахалка, покосившись на Зою, выдала (как выплонула!) с таким презрением и злостью:

— Беременная она... Да у тебя климакс уж по-ди!

Это слышали все. Вся очередь, человек восемь. Причем все женщины были разного возраста,

и среди них Зоя была самой молодой, ей всего-то тридцать два года!!!

Может, в коридоре было темно или просто освещение отвратительное, дающее мертвенные пятна на лицах, или девушке нужно было просто на ком-то отыграться, и на месте Зои могла оказаться любая другая женщина, но в воздухе после произнесения этой фразы тотчас запахло дряхлостью, климаксом, повеяло чуть ли не старческой мочой или даже смертью!

А если еще учесть, что женского счастья Зоя в последний год вообще не испытывала и сама чувствовала, что стареет (и это в свои-то молодые годы!), по уши увязла в работе и закопалась в семейных проблемах, основной из которых были постоянные измены Виктора, да плюс еще вид обидчицы, ее молодость и свежесть, розовые щеки, огромные черные глаза, не говоря уже о том, что на ней были Зоины вещи... Вот как тут было не взорваться?! Как? Да она ее этой фразой будто пригвоздила к дивану. Зоя несколько секунд не могла пошевелиться и ответить на оскорбление, зубы сжались, а в голове зашумело. Между тем дверь кабинета открылась, оттуда вышла пациентка, и, чуть ли не сбив ее с ног, к врачу прошмыгнула любовница Виктора.

— Сучка молодая, — сказал кто-то из темного угла. — Мы все постареем, и она тоже, и ее климакс накроет. И будет потеть, как я... Измучилась уже.

— Но она точно на аборт, такие, как она, злые и наглые, не хотят детей. Аборты делают постоянно, — отозвалась другая женщина.

Зоя так и продолжала сидеть, не желая видеть тех, кто говорил. Ей было стыдно за то, что ее, такую молодую, прилюдно записали в старухи. Беспочвенно, просто так. Хотя... А что, если она, эта мразь, ее узнала? Поняла, что видит жену своего любовника? Узнала, а потому оскорбила. А-а-а-а... Это открытие лишило Зою последних сил. С другой стороны, прибавились какие-то иные, внутренние силы. Она встала и набросила на плечи шубу. Вот прямо сейчас она позвонит Виктору, выяснит, где он, и, если тот дома, придет и выскажет ему все: что ненавидит его уже давно, хочет развода, и тот будет для Виктора убийственным, потому что он останется без крыши над головой, без денег, без работы, без куска хлеба, без сигарет, наконец! А потом она свяжется со своим адвокатом и скажет, что Виктора надо стереть в порошок. Вот так. А если Виктор останется без денег, то кому он на фиг нужен? Вот этой розовощекой шлюшке? Он наверняка пообещал ей золотые горы, представился инженером-биологом, ученым, сказал, что квартира его, и при разводе с женой он в ней и останется, что он получил какой-нибудь грант, разрабатывает что-то важное в сфере микробиологии... Уж заливать он горазд.

Она бы покинула поликлинику от стыда, если бы девица не вышла так быстро. Ветром пролетев

мимо Зои, обдав ее ароматом хороших духов, наверняка купленных Виктором на Зоины деньги, девица накинула пальто, надела берет и стремительно направилась к двери.

Зоя — за ней. Забыв даже, зачем вообще сюда приходила. Спираль подождет! Тем более что и беременеть-то не от кого!

Она догнала девицу в двух шагах от крыльца, схватила за плечо и с силой развернула к себе. Чего только она ей не наговорила! Сказав, что все знает про них с Виктором, обозвав ее последними словами, а также вспомнив в последний момент, что она воровка и украла ее юбку и сапоги, Зоя наотмашь ударила девку по лицу... Ну и понеслось...

...Она промокнула салфеткой слезы. Чего теперь-то плакать? Зачем оправдывать себя тем, что эта особа погибла случайно? Если бы у Зои был тогда в руках пистолет, она, не задумываясь, выстрелила бы ей в живот. В тот момент, когда они пылали друг к другу ненавистью, когда Зоина рука с наслаждением лупила по лицу соперницы, конечно, она хотела ей смерти. Чтобы ее не было. Нигде и никогда.

Итак, «Иванов» — это она, любовница Виктора, с которой он так хотел связаться, поговорить. О чем? Если она действительно пришла за направлением на аборт, то где это направление? Где этот листок с печатью и подписью врача? Когда Зоя открывала сумку покойницы, у нее все плыло перед глазами. Паспорта там точно не было,

только какой-то женский мусор: пачки бумажных и влажных салфеток, помада, ключи, мятый носовой платок, липкие мятные конфеты, ручка, пожелтевшие, рассыпавшиеся по дну сумки, таблетки... Это же надо?! Она успела заметить все это! Но направления, то есть свежего листочка-бланка там не было, это точно. Значит, или направление ей не дали, или же она сунула его в карман. А может, она просто заходила что-то спросить и ни о каком аборте и речи не было.

Зоя вернулась в комнату. Из ванной доносился плеск воды. Этот гусь еще плескался. Вот лучше бы он лежал в подвале с пробитой головой.

Гад! Она целых пять лет его кормила, ублажала, покупала ему все самое лучшее, избавила его даже от домашних хлопот в надежде, что он, как мужчина, займется работой, а он... А он в знак величайшей благодарности спал с другими женщинами, целовал их...

Она схватила его телефон и снова набрала «Иванова». Из кармана ее джинсов брызнуло аргентинским танго...

Послышался звук распахиваемой двери, шлепанье босых ног по паркету, и в гостиной появился голый Виктор. Красно-оранжевый, с распаренным лицом и висящей на распухшем от горячей воды носу каплей воды, он показался ей отвратительным.

— Ты слышала сейчас? — Спросил он, озираясь и вращая ставшими по-рачьи выпуклыми

глазами. Голые тонкие и кривоватые ноги мужа казались черными от налипшей на них волнистой шерсти. Хоббит, блин!

— Что слышала? О чем ты?

— Ну... Музыка на телефоне... Ты что, сменила музыку?

И, злясь на нее и не желая повторять свой вопрос, он взял со стола свой телефон и набрал ее номер. Телефон Зои ответил ему спокойной мелодией Косма из французской комедии.

Виктор в упор посмотрел на жену. В этой ситуации задавать вопрос про аргентинское танго было уже опасно. Он взял телефон и с гордым видом, с поджатыми, потемневшими от времени, мокрыми ягодицами, отправился в ванную комнату.

Зою передернуло от отвращения. И что она в нем нашла? Ну что?! Сейчас она не могла себе ответить. Его образ наложился на контур мертвого тела внизу лестницы, и от всего этого, представленного, ее затошнило.

Ладно. С разводом придется подождать. Что делать с трупом? А что, если она там до сих пор лежит — живая? Что, если Зоя, прощупав ее горло и плохо понимая, где именно нужно проверять пульс, ошиблась и девица эта жива? Как очнется, примется стонать, проходящие мимо люди услышат, найдут ее, отправят в больницу, и вот там она и расскажет о том, кто сбросил ее в подвал, под лестницу. Если вспомнит, конечно.

Неужели придется спускаться туда, чтобы проверить? С одной стороны, это хорошо, если деви-

ца окажется жива, тогда при самом плохом раскладе Зою не посадят. Но с другой — эта шлюха с разбитой головой превратит жизнь Зои в настоящий ад. Хотя таких, как она, можно заставить замолчать с помощью денег.

Но чтобы понять, как ей действовать дальше, было бы неплохо узнать, кто она такая вообще, эта девица в сером пальто и черном берете. Откуда? Где работает? Из какой семьи? Не спрашивать же об этом у Виктора.

В голове у Зои созрел план. Наташа! Хорошая знакомая Зои, брат которой работает в полиции. У того трое детей, денег всегда не хватает. Пусть за денежку пробьет номер телефона этой особы. А там видно уже будет, что делать, о чем думать...

Но сейчас надо бы съесть горячего супа. Что-то холодно, знобит...

5

Олег Демин, сорокапятилетний мужчина, преподаватель зарубежной литературы одного из столичных вузов и по совместительству владелец пяти автомастерских, чувствовал себя в этой жизни комфортно и старался получать удовольствия при каждом удобном случае. Большой любитель женщин, расставшись три года тому назад со своей супругой и, по сути, откупившись от уже взрослых детей, он, получив свободу, а заодно сохранив себе одну квартиру (из трех) в Москве и большой

загородный дом в деревне Береста-Мякинино, считал себя вполне счастливым человеком.

Активный пользователь интернета, на просторах которого можно было подцепить какую-нибудь барышню, не особо зажатую синдромом хорошей девочки, он привозил девиц в свой уютный, закрытый от посторонних глаз березовой рощей дом, где с удовольствием посвящал их в чувственную сторону отношений между мужчиной и женщиной, раскрывая им такие тайны наслаждений, о которых многие и не подозревали. Демин был щедрым, ласковым, предупредительным, зачастую привязывался к девушкам, но, почувствовав с их стороны желание захомутать его, моментально расставался с ними. Пройдя через тернии брака и сделав для себя определенные выводы, он больше никогда и ни с кем не спорил о плюсах и минусах этого института, и никто, даже дивно прекрасная девушка с самыми невероятными качествами и способностями, не смог бы заставить его жениться.

При расставании с очередной пассией он старался сделать для девушки что-то хорошее: решить ли проблему, дать денег, помочь поступить туда, где у него были прочные связи, устроить на работу или даже оплатить на пару месяцев жилье.

Он многое прощал девушкам, никогда не требовал от них ничего сверхъестественного, тем более верности. Его можно было уязвить только одним — полным равнодушием к его персоне. Ему трудно было представить себе девушку, которая,

хотя бы раз побывав в его доме и познакомившись с ним поближе, добровольно отказалась бы от связи с ним. В тени берез, в полумраке спальни, на шелковых простынях, устроившись головой на его плече, каждая из его любовниц чувствовала себя защищенной, спокойной, сытой, обласканной, счастливой, наконец, как считал он. Он, талантливо оправдывая свой блуд и разврат влюбленностью, а то и любовью, зверел, когда какая-нибудь из его девушек не отвечала на его звонки, просто исчезала, не считая нужным даже объясниться! Конечно, он допускал самые разные мотивы подобного поведения, особенно если девушка была замужем, но позвонить-то можно, просто поговорить, поблагодарить.

Демин был эстетом, ему нравилось окружать себя красивыми вещами, он даже чай пил из лиможского фарфора, а что уж говорить о внешних данных своих подружек, которых допускал до своего тела! Но все равно, какая бы красавица ни появлялась в его доме, со временем, изучив ее, насытившись ею и даже пресытившись, он и сам начинал остывать к ней. Все ее привлекательные черты словно стирались, превращаясь подчас в изъяны. Большие глаза начинали раздражать своей выпуклостью или слишком длинными кукольными наращенными ресницами, чрезвычайно маленький и аккуратный носик казался искусственно вылепленным пластическим хирургом, пухлые губки он воспринимал так, словно они сделаны из мягкой резины или из силикона, а от